

который может сесть птица и снести яйцо — и вылупится "хрупкий пленец, ущий милосердия".

Так то, что противостоит смерти, — то есть бессмертие, — воплощается, с одной стороны, в действиях и глечах, а с другой стороны, в явных и скрытых реминдциях из Книги книг.

Переводы, на наш взгляд, заслуживают особого внимания. В них бережно раны экспрессия и ясность подлинников, богатство стили и богатство миссионерских ивритских переводов, но живым и ясным — в отличие от многих английских ивритских переводов, язык которых часто высокопарен и архаичен, а то и очень труден для понимания.

Эти переводы можно назвать экспериментальными в их отношении к разному подлиннику. В отличие от классических переводов, где размер подлинника мимолетно безукоризненно, Хамуталь Бар-Йосеф нередко меняет такие параметры, как длина строки или характер рифмовки, и, как правило, не придерживается строгого стихотворного размера. Для русского читателя это непривычно может показаться небрежностью. Но это не небрежность, а осознанный выбор; чтобы оценить его, нужно вспомнить те традиции, на фоне которых создаются ее переводы.

Русская поэзия XIX века — почти исключительно чистая силлабо-тоника, не ускользающая от заданного размера. (Так, "Лесного царя" с его метрическим ритмом — "Weg reitet so spät durch Nacht und Wind?" — Жуковский ввел правильные амфибрахий). Пушкин — ярчайшее воплощение этой силлабо-тоники, и это та классика, на которой воспитан поэтический слух читателя. Ты XX века, от Брюсова до Бродского, распатывали классическую метрику, вводя в стихи лишь тонический рисунок ("Зло существует, чтоб с ним бороться, а не взвешивать в коромысле" — каким размером это написано?), и все силлабо-тоника оставалась и остается основой русского стиха.

Ивритская поэзия первой половины XX века создавалась в основном по образцу русской классики. Когда Владимир Жаботинский, Рахель (Блувайн), Натан Альтерман, Лея Гольдберг писали на иврите, камертоном для них были русские стихи. Даже Бялик, выросший в мире иешив и поздно освоивший иврит язык, опирался на русскую поэзию, и Пушкин был его святыней. И когда, когда эти поэты обращались к переводам с русского языка, они тщательно заныли ритм оригинала — и переводы их были настолько близки к подлиннику, что порою даже сохранялись рифмы, так что можно, забавы ради, начать строку на языке оригинала, закончить ее на иврите, или наоборот.

Было время — процветала
В мире наша сторона,
Коль йом хап бейт злойбейну
Нитмалэ ме-ламонд...

У-л'йамим, ке-шох ха-д'авер,
Пкоа ха-д'авер ха-ндид'ах,
А Эдмонда не покинет
Дженни даже в небесах!

("Пир во время чумы", перевод Авраама Шлэнского)

*Время искать № 4
(2001)*

Рахель Торпусман (1970) — переводчик. В Израиле.
1988 г. Окончила Еврейский университет в Иерусалиме
(лингвистика, античная филология). Переводы публиковались
в периодических изданиях Иерусалима и Москвы.
Живет в Кирьят-Арба.

Рахель Торпусман

НОЧЬ, УТРО, ПЕРЕВОД

Новая книга израильской поэтессы Хамутали Бар-Йосеф называется "Ночь, утро" и содержит, помимо оригинальных стихов, переводы из Пушкина, Бодлера, Верлена, Малларме и Ахматовой.

Оригинальные ее стихи представляют собой изысканные верлибры, частно непростые для понимания. Большой частью стихи эти печальны и даже трагичны:

Немало лет прожила я рука об руку с жизнью,
И сколько раз нам случилось сориться с нею!
Теперь мы уже немного притерлись друг к другу,
Но тут-то и приходится расставаться: каждому — в свою сторону.

("Песня старого китайца")

Но в стихах есть и преодоление этой трагичности. Ибо умирающий лис прекрасен ("Подарок"). Ибо душа стареющего человека может быть похожа на ненужную мятую бумагу, а может и таинственно светиться, "словно пергаментный абжур над кроватью ребенка" ("Портрет"). Ибо от ночного страха смерти (стихотворение "Против мрака") спасает "палочка миндаляного дерева" (не та ли, что являлась в видении пророку Иеремию?). Ибо всеяд за ночью, в полном соответствии с названием книги, приходит рассвет ("Вот и пришло утро..."). А сама смерть в двух стихотворениях ("Пробуждение" и "Если встанешь на вершине горы...") оказывается — по-видимому — превращением в соляной столп

© 2000, רחל תורפסמן, תל אביב, ישראל. כל הזכויות שמורות. אין להעתיק או לשכפל את המאמר הזה ללא אישור מפורש.

Однако эта поэзия и эти переводы были, если можно так выразиться, импортированными. С тех пор выросли поколения израильцев. Изменился ли их поэтический слух? Что такое для них хорошие стихи и хорошие переводы?

Ответ таков: слух современного ивритского читателя значительно менее строг к стихотворному размеру. Другими словами, для современного читателя ивритские стихи не обязаны иметь четкий силлабо-тонический размер или даже тонический рисунок, чтобы быть хорошими стихами. Строгий размер необоим песням, в стихах же он не обязателен (а иногда, видимо, даже кажется излишним и чрезмерно монотонным). Причин тому несколько (в том числе и падшая мода на верлибры), но вот, как кажется, основная: канон классической ивритской поэзии, на которой вырастают израильские поэты, состоит из стихов разных эпох, которые для нынешнего читателя звучат иначе, чем для их авторов.

Близик писал не на принятом ныне в Израиле сефардском, а на традиционном ашкеназском изводе иврита. Поскольку одно из основных различий между ними — сдвиг ударений, это решительнейшим образом сказывается на стихах: изначально они были написаны правильными хоревия и амфирахивиями, но в современном чтении размер их расшатывается и исчезает. А мощная поэзия остается. Иегуда Галеви, "царь поэтов", жил в арабской Испании, и стихи его создавались по законам арабской поэзии, со сложнейшей системой чередований долгих и кратких гласных. Но уху современного читателя эта система чужда и практически непонятна, а сами стихи понятны и близки.

ליבוי בע-מירצח בע-אנוחי בע-סוף מארבא —
Эйх э"амд эт алтер охаль ве-эйх исрабн?

Школьники, изучающие эти стихи, воспринимают их, в этом новом звучании, как образец. Так сложилась новая поэтическая норма.

Хамуталь Бар-Йосеф родилась в Израиле, и поэзия ее выросла на израильской почве. Она прекрасно владеет русским языком, но не с детства, а выучив его. И там, где приходится выбирать между ритмическим звучанием и четким выражением мысли поэта, там, где прежде переводчица в жертву сохранению ритма приносила ясность смысла, Бар-Йосеф, исходя из современной поэтической нормы, решительно отказывается от ритма в пользу ясности смысла.

(Но иногда, когда чистота перевода совмещается с формой подлинника, рождаются строки, которым позавидовали бы и израильские классики:

Шנייך העד י"ט זכור אדינ:	Я помню чудное мгновенье:
פ"ט ז'ם מו"ל הופ"א"ט א" —	Передо мной явилась ты —
חלום תבור כה-ה"רע"ף אין,	Как мимолетное виденье,
כימ"ד"ט ה"א-י"פ"י ה"א-מו"ח"ד"ט.	Как тени чистой красоты.)

К досадным недостаткам книги относятся две-три опечатки в переводах Пушкина. Странным может показаться также сам выбор ранних и малоизвестных его стихов, но здесь единственный закон — воля переводчика.

Главной же удачей книги, с которой мы рады поздравить не только Хамуталь Бар-Йосеф, но и ивритскую литературу в целом, представляются переводы из Верлена, и в особенности — перевода "Искусства поэзии", свободные, точные, звучные строки, воплощающие те заветы, которые в них декларируются:

יפ"י-נ"א שירח"א תאנ"ט הפ"קער"ט,
מע"ז"ער בע-ר"ע"ח זריח"א מע"מ"ר"ר,
ה"א-נוש"ע"ר ר"ע"ח מי"ת"א בע-ר"ע"ח צ"נו"ב"ר!
בע-ח"ו"ל ה"א-ש"י"ר ה"ו סי"פ"ר"ט."

Выразим надежду, что переводческая работа Хамутали Бар-Йосеф будет продолжаться, и пожелаем ей удачи, а читателям — новых ее книг.

* Возможный русский перевод:

Стихи должны быть авантюрой,
Где дрожь по коже на ветру
И запах леса поутру...
Все прочее — литература.